

Мы бродим по раскопкам древнего армянского города Дави, прекратившего жизнь под натиском тюркских племен почти тысячу лет назад. Заведующий музейным отделом культуры, который чувствует себя в лабиринте открытых руин так же уверенно, как на улицах родного Арташата, понаблюдает глубокий колодец, вырытый среди дворцовых покоев правителя Дави. Легенда открывает тайну колодца: когда властелин хотел расправиться с кем-либо «без пролития крови», он звал его во дворец. Посетителя, как почетного гостя, приглашали расположиться на кларе, под которым скрывалось отверстие колодца. Один шаг — и доверчивый гость вместе с ковром летел в пропасть...

С интересом слушаем мы легенду. Но сердце театра бьется здесь учащенно по другим причинам. В Арташате еще до наступления нашей эры и задолго до основания Дави царь Артавазд построил театр аллигаторского типа. Более двух тысяч лет назад в этом театре были сыграны «Вакхники» Еврипида. Труппа существовала и работала постоянно, в строителе театра выступал и в качестве автора национальных трагедий. Таким образом, мы находимся у колыбели первого профессионального театра, возникшего на территории советской земли.

Вместе с армянами товарищам мы пожелали о том, что двухтысячелетие возникновения армянского театра было в свое время отмечено далеко не в тех масштабах, каких оно заслуживало. Ведь наряду с древним Римом именно народы СССР стали первыми наследниками и продолжателями аллигаторского ку-

В АРАРАТСКОЙ ДОЛИНЕ

туры. Они создали сценическое искусство на много веков раньше, чем многие страны Европы, то и дело ссылающиеся на древность своей цивилизации.

Конечно, нам хочется поскорее увидеть, как живут наследники первой армянской сцены. Знание арташатского районного театра выглядело импозантно: сложное из розового туфа, с колоннами и портиком, оно сразу выделяется среди жилых домов. Театр построен около 20 лет назад, но труппа существует уже 30 лет, и, побывав на спектакле, мы убедились в ее способности решать серьезные творческие задачи. Речь при этом идет не просто о профессиональном умении, но и о несомненной одаренности ряда артистов.

Их всего шестнадцать, и играют они 250—270 спектаклей в год, ухитряясь иногда выступать параллельно на двух сценах. Летом районный театр гастролировал в Ростове-на-Дону и его поездка была успешной. У театра обширный репертуар, в котором десяток произведений армянской классической и современной драматургии. Есть в репертуаре пьесы испанца Касона, грека Ксенопулоса и немца Виттлингера. Но вот русская, грузинская, азербайджанская драматургия, как и драматургия других братских советских народов, в Арташате не представляла.

Это нас оторвало и огорчило. Когда мы побывали на спектакле «Искусство» Г. Ксенопулоса Незамысловатая сюжет, комедия эта написана в 1910 году и изображает падение

красы в буржуазной греческой семье. Привлекательная служанка никак не может удержаться на работе, ибо за нею немедленно начинают волочиться все мужчины — от почтенного главы семейства до его знука-студента. Служанка отнюдь не недотрога и ласко пречет своих кавалеров от разгневанных жен и конкуренток — одного в чулочки, другого в корзине с бельем (испытанный прием, примененный за сотни лет до Ксенопулоса).

В операции по извлечению из архивной пыли комедии Ксенопулоса мы не могли при всем желании усмотреть какой-нибудь серьезной творческой или нравственной цели. И, глядя на искренние старания актеров и простодушие зрителей, с подкупающей непосредственностью «воспринимавших затасканные фарсовые ситуации, сочувствовали и тем, и другим.

«Наши рабочие и крестьяне заглушают что-то большее, чем зрелище. Они получили право на настоящее великое искусство». Эти слова Ильича вспоминались еще и еще раз в те часы, когда мы сидели среди холджиков, пришедших сморгнуть «Искусство».

Чем тут дело? Вряд ли только в коммерческой необходимости выбирать то, что полечит и поспешит. Причина, вероятно, в недостаточном знании репертуарных возможностей, а может быть, и в недостатке принципиальности у тех, кто определяет пути театра.

Нет сомнения, что в арташатском театре работа с зрителем ве-

стала душой всего дела: значительная часть театрального фойе для зрителей закрыта и превращена в склад старых декораций. Программа спектакля не напечатана, и имена актеров не остаются в памяти зрителей. На эти порядки зрители реагируют соответственно: многие сидят в зале, не снимая пальто, кефи и шляпы.

Мелочи? Вероятно. Но из них складывается отношение к театру. Не почувствовали мы того, что вышедший арташатский театр ощущает себя наследником первого в нашей стране театра, что за его спиной две тысячи лет истории. Хотелось, чтобы и зал, и фойе, и эскиз на стенке, и человек в зале, и, главное, пьеса на сцене — все выглядело здесь образцово. Тем более, что от Арташата до Еревана 25 километров. И, значит, можно реально помочь — шефством, советом, режиссурой, гастролями крупнейшего артиста, всем, что может поднять значение театра.

Ведь смог же Дом культуры арташатского колхоза «Строитель» создать картинную галерею из даров армянских художников. В эту галерею не грех показать в любом городе.

2. ВОЗМОЖНОСТИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

В Ереване мы посетили и знаменательные события. Вообще-то оно могло бы стать уже будничным. Но пока эта хорошая идея обвита режиссерами не превратилась в обычное явление современной театральной жизни. И именно поэтому приезд в театр имени Г. Сундукяна москвичей —

режиссера А. Шатрина в художника М. Курилко для постановки пьесы «Суббота, воскресенье, понедельник...» Э. Де Филиппо, как и приезд в Московский театр имени М. Н. Ермиловой в Аджию для постановки «Дядя Багдасар» А. Пароняна, оказались событием.

Москвичи не стали повторять свою постановку в Театре имени М. Н. Ермиловой, а решали итальянскую пьесу в традициях социально-психологической школы. Добытая таким путем острота трактовки в сочетании с искренностью исполнения и гармоничностью ансамбля сделала спектакль «Суббота, воскресенье, понедельник» заметным событием в театральной жизни Еревана.

Наш приезд совпал с еще одним визитом для Театра имени Г. Сундукяна событием. Здание этого театра более двух лет назад было уничтожено пожаром. Длительное время армянский театр и Русский театр имени К. С. Станиславского «осуществляли» на тесной сцене и в бедных закулисных помещениях последнего.

К концу прошлого года сундукянцы получили наконец восстановленный подобный корпус. Однако трехэтажный зал на тысячу мест и будущая сцена театра угадываются пока только по бетонным конструкциям. Сложности с помещением стали объективным препятствием для развития обоих театров — и армянского, и русского.

Эти сложности не позволяли нам более или менее широко ознакомиться с разнообразным ре-

Сов. культура, 1965, 9 апреля

пертуаром армянского театра. А в репертуаре и армянские классики — Ширазаде, Сундукян, Пароян, Демирчян, и Шекспир, и ряд пьес писателей-современников как национальных, так и русских, и пьесы зарубежные.

Можно пожалеть о том, что лучший театр Армении в 1964 году совершенно не показывал русских классиков. В свое время постановки работы над пьесами Островского, Лермонтова, Чехова, Д. Тогова, Горького была одной из главных традиций Театра имени Г. Сундукяна.

Трудно по единственному национальному спектаклю «Вартаван» Д. Демирчяна, который нам удалось посмотреть на сцене оперного театра, судить о средних интерпретациях национальных образов и событий: сложной истории армянского народа. Однако постановка «Вартаван» показавшая нам несколько тяжеловесной, с густым налетом мелодраматизма и трагической эпикей, с несколько риторической патетикой, с чрезмерными акцентированным роли религии.

Возможно, эти черты, не свойственные главному социально-психологическому направлению театра, были усилены в спектакле, когда он показывался на сцене для многотысячной аудитории. Говорят, «Вартаван» в таких случаях вырывает театр из реальности. Ни при этих спектаклях, конечно, творческий огул.

Как уже сказано, мы поразились разнообразной афише Театра имени Г. Сундукяна. И все же связь его с национальной драматургией ослабевает. В прошлом сезоне театр не выпустил ни одной современной армянской пьесы. В этом сезоне можно рассчитывать лишь на спектакль «Сон чудак» А. Саянжана. Новые драмы Г. Воряна, А. Араксаяна и

известных других писателей значатся лишь под рубрикой «адаптации и обобщения». Сменив молодые писательские силы в театр не привлечены. Может быть, театр поможет конкурс, проведенный Министерством культуры и давший ряд пьес. Но главное асепти — активность своего театра. Многие можно объяснить отсутствием своего помещения и другими неблагоприятными трудностями. И все же остается впечатление, что в лучшем армянском театре накопившиеся творческие силы и возможности не находят достойного выхода. Творческое развитие театра за последние армянские годы за последние армянские годы. Все это требует привлечения к театру имени Г. Сундукяна претального государственного и общественного внимания.

3. О КОЛОДЦАХ

В репетиционном зале Русского театра имени К. С. Станиславского идет горячая и откровенная беседа о буднях театральной жизни. По так называемым «показателям» театр живет благополучно, несмотря на все трудности о помещаем: план выполнен, хорошо проведены летние гастроли, труппа работает много и напряженно — восемь премьер за год. Но чем в этом чувствуется организаторский опыт и хоррор деловой хватки директора театра Г. Айгитова.

Но мы, вероятно, идеалисты, и нам хочется больше — творческих открытий, глубины режиссерского проникновения в замысел автора, радостных встреч с молодыми дарованиями. А глазами — театральное движение и те творческие, на которых находится русская классика и к которым прорывается иногда советская драматургия. Ведь Театр имени К. С. Станиславского

то — единственный в республике представитель русской классической культуры, а имя, которое он избрал, само по себе требует неуспокоенности, смелости творческих исканий.

И тут мы с удивлением обнаруживаем, что русская классика в 1964 году была представлена одной лишь постановкой («На дне» М. Горького), а если говорить о советской драматургии, то «Иркутская история» и «Совест» как-то теряются среди спектаклей «Чемодан с накладными», «Четверо под одной крышей», «Опасный возраст», «Том — большое сердце», в ряде других, которые при самом добром отношении к их авторам нельзя приписать к серьезным произведениям современности.

Обращаемся в статистику: за 3 месяца комедии сыграны 38 раз, драмы — 38, сказки и пьесы для детей — 27; среди пьес для взрослых 83 раза сцену получила зарубежная драматургия и только 33 раза — советская.

Мы пытаемся определить: в чем же и где линия театра? Как объяснить такую статистику? Чем, собственно, театр хочет подчеркнуть свое право носить имя К. С. Станиславского?

Ответы дают авторы.

— Кто пойдет на «Совест», если рядом в кинотеатре идет «Великолепная семёрка»? — говорит один.

— На премьеру «Совести» разошлись 350 билетов антику стоимости. Пришли 15—20 человек. А приглашенные рядовые зрители уходили от кассы с пустыми руками. На что же нам ориентироваться? — спрашивает другой.

— Надо ведь жить. Приходится поэтому идти на компромиссы, — раздумывает третий.

И театр приспособляется, нарушая один из главных заветов

Станиславского: вести зрителя за собой, раскрывать народу глаза на идеалы, на самые социальные, а не искать легких и в конце концов творчески бесплодных путей.

На поэтому ли в спектаклях нет и режиссерских порывов, нет смелых, ярких решений? Театру имени К. С. Станиславского твердо и в доброту — и в режиссуре, и в актерском исполнении — придерживается реалистических традиций. Но как хочется и как нужно, чтобы эти традиции обрели крылья — для полета вперед и дальше. А крыльев нет. И профессиональное грамотное ремесленничество возникает сейчас как одна из главных опасностей, препятствующих дальнейшему росту театра.

Эти мысли беспокоили нас после просмотра спектаклей «Всеми забытый» Н. Хинметя, «Требуется ящик» Д. Псафаса и «104 страницы про любовь» З. Радзинского.

Известный опыт подсказывает авторам, что тревожные мысли такого рода относятся, конечно, не только к Ервандскому русскому театру имени К. С. Станиславского Гримотия и порой уверенная в себе посредственность сама гнезды в ряде театров — и местных, и даже столичных, немало она чувствует себя и в драматургии.

И нам вспоминается легенда о ястре в колодез, утеснявшаяся на раскопках Диния. Пришло время отделить комры «делового» благополучия, чтобы обнажить колодез театральное ремесленничество и административное безделье. Ведь эти колодез угрожают нашему очень дорогому росту в драму — советскому зрителю.

А СОЛОДОВНИКОВ,
М. ЕФИМОВ,